

Середина Осени - показательные выступления

Шэ Бао

В монастырь снова пришел праздник. Чжунцюцзе, праздник середины осени. Давно уже переросший свое исконное сельское значение (общее для многих народов по всему миру) и ставший едва ли не вторым Новым Годом. Радостный, легкий, веселый. А раз праздник, стало быть, будут и угощения, и развлечения, и выступления. Его всегда ждали с предвкушением, с нетерпением, не только дети, но даже и многие взрослые. К нему готовились загодя и очень активно. И уж тем более в Линь Ян Шо. В этот раз многие обитатели и мастера монастыря обещали подготовить что-то особенное и Шэ рассчитывал на действительно прекрасное зрелище.

Погода выдалась в самый раз - довольно теплый для осени и очень солнечный день - чего еще пожелать для хорошего праздника?

В назначенный час настоятель, одетый в белые праздничные одежды в сопровождении старших мастеров монастыря спустился со ступень Храма к собравшимся обитателям и гостям Линь Ян Шо. На площади стоял гул, но все звуки смолкли, стоило только прозвучать удару колокола.

- Доброе утро, друзья, - громко произнес Ирбис, стараясь, чтобы его голос был хорошо слышен всем, - я очень рад приветствовать всех вас на нашем празднике. Я искренне поздравляю каждого из вас и желаю богатого и сытого урожая и года. Пусть свет прекрасной Чан Э освещает вашу дорогу и ваши сердца. Да начнется праздник.

Взмахом руки настоятель подал знак начинать выступления и сам направил взгляд на специально отведенную площадку, куда уже выходил первый участник.

Ши Ньюо

Ши Ньюо вышел на площадку для выступлений, держа в руке цзянь, украшенный красной кистью. На старшем мастере была шелковая форма храма, соответствовавшая его статусу в монастыре. Меч он держал за спиной в левой руке лезвием вверх. Ньюо поклонился собравшимся.

В честь праздника он решил показать один из тех стилей, которые казались забавными со стороны, но были очень эффективны и при этом сложны технически - пьяный цзянь. Особенность "пьяных" стилей - отсутствие равновесия в стойке, из-за чего движения мастера меча становятся непредсказуемыми и оттого особенно опасными. А залогом успешности этой техники была кристальная трезвость разума.

Ньюо выставил вперед левую руку и стал вращать ей, расшатывая собственную стойку. Цзянь за спиной небрежно сдвинулся лезвием назад, пропала устойчивость в ногах, и Ньюо сначала сделал шаг влево, затем шатнулся вправо, нанося удар

мечом из-за спины по воображаемому противнику за левым плечом. Он занес правую ногу в сторону и вверх и, шатаясь, будто и в самом деле был мертвецки пьян, сделал несколько шагов, размахивая цзянем. Эти движения казались небрежными и беспорядочными.

Мастер обернулся вокруг своей оси, опустился на колени, отмахнувшись от воображаемого противника цзянем, затем выставил вперед правую ногу и несколько раз к ней склонился, держа меч над головой. После этого он поднялся на ноги, сделал несколько шагов в разные стороны и резко подпрыгнул, обернувшись в воздухе вокруг своей оси. Приземлившись, он продолжил двигаться в "пьяных" неустойчивых стойках, затем стал приседать, будто хотел встать на колени, и при этом отклоняться назад. Но колени мастера не коснулись каменных плит, в то время как его корпус оказался почти параллелен земле. Он резко выпрямился и бросился в атаку вперед, последний удар нанес с прыжком, из которого приземлился в низкий выпад.

Из этого положения Ньяо опустился на спину, затем одним прыжком поднялся на ноги и продолжил атаку. В этой части ката было больше технических элементов, касавшихся самого меча: вращения и смены хватов, перехваты цзяня из одной руки в другую, и все это на тех же как будто пьяных ногах. Мастер атаковал воображаемых противников, нападавших с разных сторон, и его меч двигался непредсказуемо и как будто небрежно. После нескольких атак Ньяо сделал кувырок вперед, оперевшись при этом на обе руки. Во время этой страховки цзянь оказался плашмя на земле, но затем взлетел в новую атаку из-за спины мастера.

Через какое-то время Ньяо выпрямился, пошатываясь, и выставил меч вперед. Он попятился, небрежно размахивая цзянем, остановился и резко упал на спину. Прележав так мгновение, мастер резко поднялся на ноги уже с новой атакой, после которой выпрямился и снова поклонился, уже твердо держа меч в руке. После этого Ньяо уверенным шагом покинул площадку для выступлений.

Ян Лю

Ян вышел на площадь и поклонился собравшимся. Помощники вынесли и поставили напротив ступеней храма мишень, сделанную из довольно мягкой пробки. У Лю при себе не было никакого оружия, только кусок черной ткани, которым он завязал глаза, когда отошел от цели примерно на десять метров.

Осенний воздух был более влажным, чем летний, и Лю решил воспользоваться этим, чтобы продемонстрировать одну из техник магии Воды: он выставил перед собой руки ладонями вверх и сосредоточился на окружении оранжевой энергии, растворенной в воздухе вокруг него. Вскоре на его руках начали конденсироваться капли воды, которые, сливаясь, начинали собираться в те формы, которые требовались мастеру. На ладони Яна оказался трехлепестковый сюрикен, на второй - такой же. Они не таяли от тепла его рук, потому что замерзли по его воле. А вода продолжала конденсироваться на руках Яна, пока он не собрал шесть трехлепестковых звездочек.

После этого Ян встал напротив мишени. Его глаза по-прежнему были завязаны, но он точно помнил, где находилась цель. С чего цирковым прошлым эта часть

выступления была самая простая. Он зажал сюрикены в хвате "кулак" по три в каждой руке и выпустил их в цель, после чего снял повязку, чтобы убедиться, что все шесть оказались в центре мишени.

После этого к Яну подошел ученик, который передал ему длинный красный шнурок длиной около трех метров. Лю подбросил этот шнур в воздух, затем вцепился в него синей энергией Аджны, заставляя повиснуть в воздухе так, что вверху оказалась середина, а два конца свисали вниз. Эти концы сложились в вертикальные петли, после чего правая нить стала ползти, продеваясь между петлями, а следом за ней подобный путь проделала левая. Затем левый конец был продет через вертикали узла и следом узел затянулся, чтобы было видно окончательную картину. Это был так называемый Бесконечный Узел - один из восьми символов Буддизма, изображение которого можно было увидеть в числе прочих на плитах, что украшали центральную площадь.

Ян взял узел в руку, затем поклонился и покинул площадку для выступлений.

Эрик Адлер

Эрик чувствовал себя немного неловко, когда все же решился на это выступление. Он не хотел устраивать ничего грандиозного с перекапыванием центральной площади, древние камни которой были частью истории этого удивительного места. Он вышел на площадь и поклонился. На Эрике была шелковая форма мастера монастыря, как и на тех, кто выступал до него, но в ней он чувствовал себя также немного неуютно. Помощники вынесли низкий столик, на котором лежал металлический поднос и стоял глиняный горшок, закрытый крышкой. У столика они постелили циновку, на которой мастер сел на колени перед столом.

Он открыл глиняный горшок и высыпал из него на поднос золотистый песок, мелкий, как пыль. Эрик поднес обе ладони к кучке этого песка, и песчинки стали собираться вместе. Красная энергия Муладхары пронизывала их, опутывала и сжимала все плотнее, пока из песка не получился цельный камень, который поднялся вверх над подносом, но затем, когда Адлер отпустил энергию, упал со стуком на поднос и не рассыпался.

Тогда Эрик положил камень, похожий на кремь, на ладонь и задержал вторую ладонь над ним. Кремь начал нагреваться, сжимаемый все той же красной энергией Муладхары. Он сжимался, уменьшаясь в размерах, и менял цвет, становясь все более прозрачным. Через некоторое время на ладони Эрика оказался прозрачный кристалл, который блестел в лучах осеннего солнца. Это был кварц. Адлер положил его на поднос, встал, поклонился собравшимся и ушел с площадки, оставив ученикам убрать инвентарь.

Этот трюк был сложным даже для Эрика, и сейчас он чувствовал усталость, поэтому хотел посидеть и восстановить силы, пока будут продолжаться выступления других обитателей Линь Ян Шо.

Мэй Фэн

Настала очередь Мэй. Она давно готовила это выступление и ей не терпелось наконец показать его. При кажущейся простоте, этот танец требовал сильнейшей

концентрации и точности. Главное ничего не перепутать, но Фэн была уверена, что все получится. Помощники вынесли две большие корзины с опавшими листьями, а так же пару барабанов на небольшой стойке с лежащей поверх флейтой. Все было готово.

Фэн вышла на середину площадки, встав между корзинами. Одета она была празднично, но не в форму монастыря, а в небесно-голубое ханьфу, которое хоть и стесняло движения немного, зато выглядело куда привлекательнее и лучше подчеркивало фигуру. *Да, иногда можно и нарядиться ради случая.* Женщина взмахнула руками и сложив их в жесте почтения, мягко и плавно поклонилась зрителям. Пора было начинать танец.

Легкий поток ветра поднял в воздух невесомую бамбуковую флейту и та принялась медленно кружиться вокруг площадки чуть выше головы Мэй, играя чарующую, хоть и довольно простую мелодию. К ней присоединились барабаны, задавая ритм, движениям и мыслям. С ними стало легче - чем меньше. Шаг вперед, руки расходятся в приветственном жесте, затем в сторону, поворот, поклон.. Первые движения были простыми, только для того, чтобы снова привыкнуть к контролю. О самом танце можно не думать, тело подскажет. Мелодия громче, барабаны четче.

На следующем шаге поворот, взмах руками, и из корзин взмыли в воздух два желто-красных фонтана из листьев. Они словно два разноцветных потока разметались, и переплелись, почти скрывая танцующую Мэй. Мелодия громче, барабаны четче. Листья кружат в сказочном красочном вихре, флейта носится над головами, уже никто не может толком сказать, откуда доноситься мелодия, а Мэй танцует. Шаг, поворот, взмах, поклон, мелодия громче, барабаны четче.

Танец подошел к верхней точке, флейта надрывается изо всех сил. Снова шаг, поворот, взмах. И все стихло. Листья упали на землю, Мэй опустилась на колени, еле заметно переводя дыхание. Пауза, буквально на вздох. Флейта мягко опустилась к ней в руки и снова заиграла. Снова зазвучали барабаны. Листья взвились в воздух и разлетелись по корзинам откуда начали. Фэн поднялась и сложив руки в жесте почтения поклонилась зрителям.

Шэн Бо

Для этого выступления Шэн решила подготовить новую технику, связанную с тонким управлением пламенем, которая демонстрировала скорее мастерство, чем боевую мощь. Но технически то, что она задумала, было не легче, чем создание молнии.

Шэн вышла и поклонилась собравшимся. На ней была форма мастера монастыря, состоявшая из оранжевой шелковой куртки и черных брюк. Она сложила руки перед грудью, затем сделала шаг в сторону и перешла в позу всадника. После этого Шэн выставила вперед правую руку, и на кончиках её пальцев заиграли всполохи пламени. Шэн стала выписывать в воздухе иероглифы, заставляя их зависать на месте. Каждая новая черта требовала от неё концентрации энергии, потому что стоило сбиться дыханию, и ровные вертикальные строки могли рассыпаться, как морок.

危楼高百尺，

На горной вершине ночью в покинутом храме

手可摘星辰。

К мерцающим звездам могу прикоснуться рукой

不敢高声语，

Боюсь разговаривать громко, земными словами

恐惊天上人

Я жителей неба боюсь потревожить покой

Шэн очень любила это стихотворение, как и вообще стихи Ли Бо. Он умел тонко играть на чувствах читателя, прямо и красиво описывая то, что чувствовал. Пусть он вовсе не был для Шэн родной душой, в некоторых его строфах она находила переживания, очень близкие своим собственным. А некоторые стихи могла перечитывать и перечитывать, считая их эталоном того, как в простой форме можно выразить сложное. И "Храм на вершине горы" для сегодняшнего выступления подходил как нельзя лучше.

Зрачки тигриных глаз сузились. Шэн старалась хотя бы периферическим взглядом контролировать все строки, каждый иероглиф, к которым добавлялись все новые. А пламя горело, сохраняя свою форму, подчиняясь воле тигрицы. И лишь после того, как в конце стихотворения была поставлена точка, Шэн позволила иероглифам вспыхнуть белым светом и растаять, оставив на пару мгновений след от дыма.

Шэн поклонилась и покинула площадку для выступлений.

Чин Ху

Чина начали утомлять разговоры о том, что в зверином облике он окончательно ожирел и обленился. подумашь, он весил почти на центнер больше дикого тигра, в тепличных условиях зоопарков бывало и не такое. И да, он охотился. Не часто, но все равно.

Старший мастер вышел в человеческом облике, чтобы поклониться. Он был одет в шелковую форму мастера монастыря, его волосы были собраны черной лентой на затылке. После приветствия Чин опустил на одно колено и принял звериный облик золотого тигра.

Хищный кот лениво потянулся и отряхнулся, пока ученики выносили необходимый реквизит. Показывать цирковой номер вольному тигру было неприятно, но Чин считал, что должен показать, что он до сих пор способен бегать и прыгать, несмотря на широкие бока.

Тигр запрыгнул на небольшую тумбу, умудрившись уместить все четыре лапы на небольшом пятачке. Он махнул хвостом и перепрыгнул на другую тумбу, размер которой был не больше, а стояла она метрах в пяти от первой. Третья стояла еще чуть дальше. И с этим прыжком тигр справился, тщательно прицелившись. Но сложнее было побороть инстинкты хищника, и один из смелых помощников зажег

три огненных кольца, каждое из которых крепилось на штативе на высоте пары метров над землей.

Чин спрыгнул с тумбы, недовольно махнул хвостом и прижал уши, глядя на первое препятствие. Он собрался в боевую стойку и почувствовал, что задние лапы напряжены, как пружины. Прыжок, и золотой тигр преодолевает первое из огненных колец, лишь сорвавшийся со спины клочок светлой шерсти тает в пламени. Второе, третье - все кольца сдались, и тигр отряхнулся, затем снова потянулся, ненадолго показал массивные белые клыки, но после этого сел, обвив передние лапы полосатым хвостом.

А в следующий момент на месте золотого тигра оказался Чин в человеческом облике. Он поклонился зрителям и ушел к остальным мастерам. Он был доволен собой, потому что как ни отрицал обвинения в свой адрес, прекрасно знал, что его альтер-эго разжирело и обнаглело в тепличных условиях. А сейчас он доказал, что не стал от этого слабее.

Тору Мотидзуки

Сначала Тору не собирался принимать участие в выступлениях, посвященных празднику середины осени, но царящее в монастыре предпраздничное возбуждение захватило даже его, вызывая непривычное для японца желание принять участие в массовом мероприятии. Поскольку никакими талантами, кроме хорошего уровня владения традиционным самурайским оружием, Мотидзуки похвастаться не мог, вопрос о том, что именно ему демонстрировать перед обитателями монастыря, перед японцем не вставал, что значительно упрощало процесс подготовки.

На площадку для выступлений Тору вышел в традиционной синей кендоги и черной хакама, в которых обычно занимались мастера японских воинских искусств. За поясом он держал сразу и катану и вакидзаси, поскольку собирался не только продемонстрировать несколько форм работы с длинным мечом, но и показать, не претендуя на лавры Мусаси Миямото, как можно комбинировать работу с длинным мечом - дайто и коротким - сёто.

Для начало Мотидзуки решил показать несколько форм из нижней стойки, начав с той, которая имела не столько боевое, сколько ритуальное значения. Японец поставил колено левой ноги за землю, развернув его на сорок пять градусов влево, а правую ногу, тоже согнутую в колене, отвел, соответственно, в правую сторону, градусов на тридцать. Затем Мотидзуки резко выхватил из ножен катану и с подшагом вперед и прямо правой ноги обозначил рез, держа меч только правой рукой, по средней линии слева направо, словно подрезая сразу две ноги противника. Затем мужчина, проведя меч полукругом по правой стороне, завел его за голову и обозначил прямой удар сверху вниз, одновременно с этим в такт движению катаны отводя вправо и возвращая обратно правую ногу. Далее мастер меча повторил последнее движение, но уже с левой стороны и, напоследок положил левую руку тыльной стороной ладони на голову чуть выше лба, «прокатил» по ней меч, острием назад, словно поражая кого-то, стоящего за спиной и закончил последним прямым ударом сверху вниз.

После этого Тору показал еще несколько форм, выполняемых в нижней стойке,

включая ту, которая требовала наличия тренированных ног, поскольку, в процессе ее выполнения, нужно было подпрыгнуть и успеть выхватить меч и нанести удар до того, как ноги снова коснутся земли. Дальше Мотидзуки выпрямился во весь свой невысокий рост и продемонстрировал, как действовать в ситуациях, когда ты подошел к противнику настолько близко, что у тебя нет возможности для замаха и нанесения удара, а также показал, как по бликам на лезвии катаны, поднесенной чуть ли не к самым глазам, определить, что у тебя за спиной находится противник, вовремя развернуться и нанести ему удар.

Закончить же свое выступление японец решил попеременным вытаскиванием из ножен то катаны, то вакидзаси, ускоряясь во втором случае и замедляясь в первом, чтобы показать разницу в технике, выбор которой, как и самого оружия, определяется ситуацией. И наконец, оставив катану в правой руке, превращая ее в одноручное оружие, а вакидзаси - в левой, провел несколько попеременных движений, показывая так редко применяющееся одновременное использование дайто и сёто. На чем и остановился, поклонился зрителям и, позволив себе после этого немного расслабиться, покинул площадку для выступлений.

Айро

Раз уж втянулся в общее движение, нужно бы и самому что-нибудь показать - решил Айро и вышел на площадку вслед за юным японцем. Он не собирался показывать чудеса физической подготовки - возраст уже не тот. Да и танцы и музыка были как-то не в его стиле. Чаем всех напоить - это с удовольствием, но где взять столько чая для всей этой толпы, тут хватило бы на посетителей чайной ближе к вечеру. Оставалось только одно. Старик опустил на землю, сев в позу лотоса и сложив руки в молитвенном жесте. Первые несколько секунд он не двигался и ничего не делал, сосредоточившись на дыхании.

Вдох, выдох, вдох, выдох. Полной грудью, раскрывая легкие и наполняя Манипуру силой. Вдох, выдох, вдох, выдох. В дыхании сила Огня, в контроле дыхания контроль над стихией. Вдох, выдох, вдох, выдох. Из широко раскрытых ноздрей старика уже вовсю валил пар, словно зимой, но вокруг было тепло. Вдох, выдох, вдох, выдох. Пора. Айро на глазах у зрителей вспыхнул, мгновенно превратившись в сплошной вихрь пламени. Оно казалось таким плотным, что его можно было коснуться и не обжечься.

Вдох, выдох, вдох, выдох. Вихрь крутится сильнее, пламя становится ярче и горячее, распаяясь, разрастаясь. Вдох, выдох. Вихрь взмывает вверх, принимая форму дракона. Огромная голова, украшенная парой спиральных рогов, роскошная грива, длинное тело. Он переливается всеми оттенками желтого, красного, синего, чешуя словно блестит на осеннем солнце. Вдох, выдох, вдох, выдох. Дракон взмывает над площадью, делает круг над головами, извиваясь и играя, затем спускается ниже, еще виток, затем еще один. Вдох, выдох, вдох, выдох. Зверь взмыл вертикально вверх и рассыпался искрами всех цветов радуги. А Айро, про которого все уже, наверно, и забыли. Поднялся на ноги, мягко поклонился зрителям и освободил место следующему.

Эльза Линдемманн

Эльза, из-за свалившейся на неё обязанности украшать главную площадь перед

праздником, на репетицию успевает еле-еле – а репетиция не короткая, постановка не простецкая и прогнать её целиком хотя бы один раз просто жизненно необходимо. Поэтому первые показательные номера Эльза и её маленькая, но гордая театральная команда пропускают, пока поодаль от главной площади заканчивают репетировать. Это, конечно, ужасно жаль, показательные от мастеров наверняка были интересные и эффектные – и Линдемманн ругает себя за то, что не догадалась заранее подойти, поставить на площади камеру и попросить кого-нибудь за ней приглядывать.

Ну, хоть к своему выступлению надо бы это сделать.

Эльза возится со своей техникой так долго, что ей кажется, её должны показательно убить за такую затянутую подготовку. Сперва Линдемманн устанавливает и настраивает на краю площади камеру и поручает близстоящей ученице следить, чтобы камера стояла, не падала и смотрела туда, куда её направили. Потом Эльза выносит в центр площади три высоких стула, на которых они с девушками репетировали и которые временно утащили из чайного домика, и ставит их в круг, спинками друг к другу. В завершение немка кладет в центр образованного спинками стульев круга свой смартфон, к которому подключен небольшой динамик, и включает на нем приготовленную специально для выступления музыкальную дорожку. Трек собран Эльзой в деревне из нескольких разных музыкальных файлов, и в его начале есть небольшая пауза – которой как раз хватает для того, чтобы девушка успела сесть на стул и сложиться вдвое, лечь грудью на колени и свесить руки вниз. А потом, под зазвучавшую из динамика музыку, Эльза, не поднимаясь со стула, начинает танцевать всем телом – медленно растёт вверх и отвлекает на себя внимание публики, пока Лавиния и Кортни идут к ней от краёв импровизированной сцены.

Несмотря на то, что Эльза представляет писателя, поверх уместных чёрных брюк на ней надета неуместная юбка в пол, которая требуется для финального трюка. Юбка скрадывает движения длинных ног, поэтому особенно старательно Линдемманн танцует руками и корпусом, выбирая здесь всю доступную ей выразительность. К наступающей довольно скоро выразительной точке в музыке Эльза успевает полностью выпрямиться, откинуться на спинку стула и отвести руки назад. Словом, полностью подготовиться к тому, чтобы в представление вступили Лавиния и Кортни.

Начало выступления.

Лавиния Ортега Касерес

Лавиния в театральных постановках никогда раньше не участвовала - в школе её гоняли в основном по спортивной линии и тем и ограничивались. Поэтому, получив предложение выразительно почитать стихи перед всем монастырём, Ортега сперва обалдела и сказала, что она таким вообще-то не занимается. Совсем. Потом минут пять послушала уговоры и согласилась.

Когда ещё тебя, дурочку косноязычную, стихи читать позовут, в самом-то деле.

Пока Эльза плясала на стуле, Лавиния вместе с Кортни шагала к ней от края сцены, стараясь и не чересчур спешить, и двигаться не слишком медленно, чтобы как раз оказаться в нужное время в нужном месте. Одета в чёрное платье, Лавиния несла в руках печатную машинку - чёрт немку знает, где она её раздобыла, но вот притащила откуда-то и, судя по тревожному воркованию немки, раритет следовало не разгрохать, а вернуть в целости и сохранности. Подойдя к распластавшейся по

стулу Эльзе слева, Лавиния описала печатной машинкой в воздухе размашистый полукруг, позволяя Кортни подхватить её с другой стороны. Девушки вместе опустили печатную машинку Эльзе на колени, после чего Лавиния села на стул, достала из рукава трубку и картинно замерла с трубкой у губ. Курить Ортега не умела, на любила и не собиралась, но ведавшая реквизитом Эльза уверяла, что трубка ей страшно нужна для образа. Что ж, пусть будет.

Кортни Янг

Кортни, всегда считавшая свои актерские таланты выдающимися, но недооцененными, в первый миг недоверчиво расхохоталась, когда её вдруг всё-таки оценили и пригласили участвовать в постановке. *Мама, я буду читать настоятелю стихи! Ещё и на стул встану!* Правда, как только Янг взялась озвучивать свои фантазии, немедленно выяснилось, что никакого "на стул встану" не будет. Что у постановки уже есть режиссёр, у режиссёра есть своё видение того, как постановка должна выглядеть, и нефиг поперёк режиссёра лезть. Причём сообщила это всё Эльза таким ровным и уверенным тоном, что у Кортни даже возразить толком не получилось. Ну вот как такому загляденью возразишь, а.

Оказалось, правда, что супротив режиссёра вообще ни в чем лезть нельзя. Кортни желала представлять свою роль в нежном розовом цвете - Эльза ей в этом отказала, обрядив девушку в красно-белое. Кортни пожелала к костюму хотя бы розовую розу - и в этом ей было отказано. Разве что на розе они с Эльзой под конец жаркого спора кое-как сошлись. Но окрас цветка от розового был со всей очевидностью далёк.

Двигаясь под музыку вместе с Лавинией, Кортни подошла к Эльзе, только не с левого, а с правого бока, подхватила в воздухе печатную машинку, помогая Лавинии поставить агрегат Эльзе на колени, а потом торопливо заправила в машинку два листа бумаги, для плотности. Закончив с этим приготовлением, Кортни села на стул, вынула из-за подвязки пунцовую розу на длинном стебле, красиво обняла цветок, прикинув к нему щекой, и тоже замерла на стуле в картинной позе, ожидая своей очереди читать.

Эльза Линдемманн

Эльза больше всего боится, что девушки опоздают, и получится неловкая пауза, во время которой немка будет тупо сидеть на стуле с запрокинутыми руками. Но нет, Лавиния и Кортни появляются вовремя, и дело обходится без неловких пауз. Эльза опускает руки на клавиши печатной машинки, секунду сидит неподвижно, подчиняясь паузе в музыке, а потом начинает печатать по громко щелкающим клавишам и произносит вслух, как будто диктуя самой себе:

– *Ведомство литературы, как известно, отпускает*

Издательствам республики бумагу,

Столько-то и столько-то центнеров дефицитного материала

Для издания желательных произведений.

Желательными

Являются произведения с идеями,

Которые ведомству литературы знакомы по газетам.

Такой подход

*Должен был бы, учитывая особенности наших газет,
Привести к большой экономии бумаги, если бы
Ведомство литературы на каждую идею наших газет
Пропускало по одной книге.*

В этом месте Эльза делает многозначительную паузу. Отнимает руки от клавиш, сцепляет их под подбородком и печально улыбается:

– К сожалению,

Оно легко посылает в печать все книги, пережевывающие

Одну идею наших газет.

Таким образом,

Для произведений некоторых мастеров

Бумаги не хватает.

Эльза читает медленно и торжественно, печально, как эпитафию. Останавливается и, чувствуя, что пауза затягивается, сдерживается, чтобы не начать нервно коситься в сторону двух других чтиц: ну вступайте уже. Чего тянут?

Лавиния Ортега Касерес

Лавиния, очередь которой читать наступала сразу за Эльзой, слегка затянула с чтением потому, что торопливо и судорожно думала. Сперва девушки брали в выступление балладу, которую должна была читать Ортега, полностью, поэтому Лавиния учила её целиком. Потом Эльза решила, что это получается слишком длинно и местами резковато, поэтому часть четверостиший надо выкинуть. И теперь у Касерес никак не получалось вспомнить, что же именно они выкинули.

Ай, ладно, на ходу разберется. Тем более что уж первое-то четверостишие они явно оставили.

- Четыре года длился бой,

А мир не наступал.

Солдат махнул на все рукой

И смертью героя пал.

Эльза зачем-то требовала от Лавинии испанский акцент при чтении - у Ортеги же акцента почти не было, но девушка старалась, давила его из себя и яростно и мрачно напирала на слова. Режиссёр большой, ему видней.

- Однако шла война еще.

Был кайзер огорчен:

Солдат расстроил весь расчет,

Не вовремя умер он.

На кладбище стелилась мгла,

Он спал в тиши ночей.

Но как-то раз к нему пришла

Комиссия врачей.

С этими двумя четверостишиями проблем не было: они сюжетобразующие, их выкинуть из рассказа Эльза явно никак не могла. И со следующими была примерно та же история. Правда, там Лавиния немного подвисла, вспоминая, какое слово произносить дальше. Совсем же простое слово, особенно на фоне некоторых с ним соседствующих, но именно оно почему-то попыталось безвозвратно выскочить из

головы и всё испортить.

- Вошла в могилу сталь лопат,

Прервала смертный сон.

И обнаружен был солдат

И, мертвый, извлечен.

Врач осмотрел, простукал труп

И вывод сделал свой:

Хотя солдат на речи скуп,

Но, в общем, годен в строй.

Последние слова Лавиния постаралась произнести особенно мрачно, подчеркивая их жестокую важность. А вот дальше засомневалась: выкинули они идущую следом маленькую лирическую вставку или нет?

Ладно, пусть остаётся.

- И взяли солдата с собой они.

Ночь была голубой.

И если б не каски, были б видны

Звезды над головой.

Эти строчки Лавиния произнесла чуть мягче, сбавляя накал - а в следующих четверостишиях навалилась по новой:

- В прогнившую глотку влили шнапс,

Качается голова.

Ведут его сестры по сторонам,

И впереди — вдова.

Трубы играют – чиндра-ра-ра,

Реет имперский флаг...

И выправку снова солдат обрел,

И бравый гусиный шаг.

Два санитары шагали за ним.

Зорко следили они:

Как бы мертвец не рассыпался в прах —

Боже сохрани!

Во второй половине стихотворения Лавиния откровенно путалась. Большая часть выкинутых четверостиший была именно что во второй части стихотворения, и у Касерес так и не отложилось толком в голове, что они оставляли, а что - нет. Получалось, Лавиния сейчас практически резала стихотворение по живому на своё усмотрение. И вполне возможно, что не угадывала.

- Они черно-бело-красный стяг

Несли, чтоб сквозь дым и пыль

Никто из людей не мог рассмотреть

За флагами эту гниль.

Оркестра военного треск и гром,

Литавры и флейты трель...

И ветер солдата несет вперед,

Как снежный пух метель.

Шумливой толпою прикрыт его путь.

Кругом загорожен солдат.

Вы сверху могли бы на солдата взглянуть,

Но сверху лишь звезды глядят.

Единственное, что Ортега помнила абсолютно твёрдо - что самую-самую концовку они вырезали. Закончив читать, Лавиния немедленно загнала трубку в угол рта, симулируя затяжку. С балладой покончено, какое облегчение - остальные доставшиеся девушке стихи были заметно короче и проще. Самое трудное уже позади.

Кортни Янг

Кортни казалось, что у неё всё затекло, пока она сидела неподвижно и ждала своей очереди читать. Локти затекли, шея, плечи. Даже чертовы колени, и те, казалось, затекли, хотя уж коленями-то девушка ничего такого не делала. Кортни казалось, что как только ей наконец дадут слово, она взлетит выше стула - а взлетать было как раз нельзя. Надо было отвечать Лавинии так, чтобы это всё выглядело как состоятельный диалог. Нельзя взлетать, чирикать и смотреться безалаберной. Быть серьёзной, но не мрачной. Как-то так.

- Право, я живу в мрачные времена, - воскликнула Кортни и описала пунцовой розой в воздухе воинственный полукруг, - Беззловное слово — это свидетельство глупости.

Лоб без морщин

Говорит о бесчувствии. Тот, кто смеется,

Еще не достигнут

Страшной вестью.

Кортни читала и обличающе колола воздух розой. Так, что если бы Лавиния сейчас сидела перед ней, Янг, пожалуй, исколола бы её до полной неспособности вести дискуссию дальше. Лавиния же сидела у Кортни за спиной, но девушку это совсем не останавливало. Тут главное - намерение и темперамент.

- Что же это за времена, когда

Разговор о деревьях кажется преступленьем,

Ибо в нем заключено молчанье о зверствах!

Тот, кто шагает спокойно по улице,

По-видимому, глух к страданиям и горю

Друзей своих?

К концу второго четверостишия Кортни, не удержавшись, всё же сделала то, что на репетициях они совсем не планировали: вскочила на стул с ногами, вскинула розу над головой на вытянутой руке и слегка подкрутила стебель пальцами, обвиняя его голубой энергией Вишуддхи. Ветер жёстким потоком закрутился вокруг розы, сорвал с цветка лепестки и разбросал их. Кортни же опустила руку с оставшимся в ней голым стеблем и печально заключила:

- Я хотел бы быть мудрецом.

В древних книгах написано, что такое мудрость.

Отстраняться от мирских битв и провести свой краткий век,

*Не зная страха.
Обойтись без насилья.
За зло платить добром.
Не воплотить желанья свои, но о них позабыть.
Вот что считается мудрым.
На все это я неспособен.
Право, я живу в мрачные времена.*

После этого грустного вывода оставалось только начать плавноенько сползать со стула вниз. Потому как Кортни ещё требовалось в сегодняшнем выступлении бегать и делать вещи, просто стоять на стуле красивой статуэткой до самого конца никак не вышло бы.

Эльза Линдемманн

Как быстро выясняется, без накладок здесь ничего обойтись не может. Это нормальное явление, без накладок редко что обходится, поэтому Эльза пока не переживает. Переживать она начнёт, если вдруг поймёт, что Кортни и Лавиния не справляются, не вытягивают, начинают сыпаться и нести околесицу. Но девушки справляются и выкруливают с достоинством – если не знать, что всё должно было быть совсем не так, то и незаметно, наверное.

Пока девушки читают, Эльза опускает голову и вновь начинает печатать, словно записывает за ними произносимые ими строчки. Лавиния искажает своё стихотворение совсем – читает половину того, что не надо было, а половину того, что надо было, наоборот, выкидывает. Но лицо держит, молодец. Кортни фокусничает и лезет на стул – но катастрофой этот фокус не заканчивается, поэтому Эльза даже не готова убивать её за своеволие. Закончив барабанить по клавишам, Линдемманн закидывает руки за голову, сцепляет пальцы на затылке и с отчетливой тоской произносит:

*– Приглашенные на заседание Академии искусств
Большие начальники из Комиссии по делам искусств,
Платя дань доброму обычаю признавать свои ошибки,
Бормотали, что они тоже
Признают свои ошибки. Правда,
Когда их спросили, какие ошибки они признают,
Они, как ни старались, не могли припомнить
Никаких определенных ошибок.*

Эльза старается прочитать так, чтобы стихотворение звучало не яростным выпадом, а скорее усталой констатацией печального факта. После Лавинии и Кортни это сделать, в общем-то, не так сложно – просто надо читать не с таким фонтаном эмоций и не с таким напором, и уже сойдёт за правду.

*– Все,
Что ставили им в вину, оказывалось
Как раз не ошибкой, потому что комиссия зажимала
Только произведения, не представляющие интереса, и то, собственно,
Не зажимала, а просто не продвигала.
Несмотря на усерднейшие размышления,*

Они не смогли вспомнить

Ни одной определенной ошибки, однако

Твердо стояли на том,

Что допустили ошибки, – как и требует добрый обычай.

Закончив читать своё стихотворение, Эльза снова опускает руки на печатную машинку и ждёт – ждёт, когда Лавиния и Кортни двинутся вперёд, чтобы за их спинами можно было быстро действовать дальше.

Лавиния Ортега Касерес

Сидя на стуле с трубкой в зубах, Лавиния хотела от самой себя только одного: не расслабиться слишком раньше времени, не пропустить свою очередь снова действовать и рассказывать. Ортега мысленно повторила свой отрывок стихотворения трижды, чтобы точно ничего не потерять и не забыть, и, наверное, имела по этому поводу сосредоточенное и хмурое лицо, как ей и полагалось по образу.

Когда Эльза прочла своё стихотворение, Лавиния поднялась со стула, вышла вперёд, перекрывая собой немку, и всё с тем же мрачно-напористым выражением произнесла:

- После приказа властей о публичном сожжении

Книг вредного содержания,

Когда повсеместно понукали волов, тащивших

Телеги с книгами на костер,

Один гонимый автор, один из самых лучших,

Штудирруя список сожженных, внезапно

Ужаснулся, обнаружив, что его книги

Забыты.

Прочитав этот отрывок, Лавиния, ощущая себя сказочной крылатой королевной, достала из другого рукава коробок спичек. Открыла его, позволяя Кортни взять оттуда спичку, затем снова закрыла и продолжила держать на весу, готовясь к финальному финту.

Который они, чёрт побери, так и не успели нормально отрепетировать.

Который сейчас имел полное право пойти кувырком. Полететь в тартарары. Да все, что угодно, сделать, даже хорошо отрепетированные отрывки иногда этим занимаются, что уж о сырых-то говорить.

Кортни Янг

Кортни не иначе как чудом ухитрилась спуститься обратно с шаткого стула, не потеряв ни равновесия, ни достоинства. Казалось бы, так легко забралась - а спускаться неожиданно оказалось адским трудом. Старательно балансируя, Янг спустилась, заткнула голый розовый стебель обратно за подвязку, прикрыла ногу юбкой и снова села в картинную позу. Правда, сесть в эту позу девушка успела еле-еле, и вот уже снова надо было вставать, потому что действие входило в завершающую фазу. Янг тоже поднялась со своего стула, стараясь именно что подняться, а не по-беличьи вскочить - ей по образу по-беличьи прыгать вообще никуда не положено, - и тоже двинулась вперед, чтобы встать рядом с Лавинией для финальной маленькой сцены.

- Он поспешил к письменному столу,
Окрыленный гневом, и написал письмо власть имущим.
«Сожгите меня! — писало его крылатое перо.-
Сожгите меня!

Не пропускайте меня! Не делайте этого!» - прочитала Кортни, у которой, в противовес мрачной Лавинии, это всё прозвучало более мягко, даже где-то нежно. Произнося свои слова, Янг вытянула из раскрытого Лавинией короба спичку, чиркнула ею о коробок и бросила зажженную спичку Эльзе не юбку. За то время, пока Эльза дочитывает свой кусок стихотворения, как раз всё должно загореться и сработать как было задумано.

Эльза Линдемманн

Когда Лавиния и Кортни, выходя вперед, заслоняют немку своими спинами, Эльза торопливо наклоняется, ставит печатную машинку на землю и загоняет её под стул, чтоб не мешалась. После этого Линдемманн встаёт и делает шаг вперед, чтобы оказаться между Лавинией и Кортни – которые уже достали спички и вообще готовы к финалу.

— *«Разве я*

Не писал в своих книгах только правду? А вы

Обращаетесь со мной как со лжецом.

Я приказываю вам:

«Сожгите меня!» – с выражением произносит, почти выкрикивает Эльза. Спичка, ударившись о юбку, гаснет и ничего не поджигает, поэтому Эльза хватается за юбку обеими руками и сама прожигает её энергией Манипуры – вот хотя бы ради этого момента стоило ходить на мастер-класс. На десять мастер-классов бы стоило сходить, да у девушки за плечами только один.

Юбка вспыхивает вкривь и вкось, как попало, поэтому эффектно постоять и под музыку погореть подольше, как хотелось изначально, не получается. Эльза довольно быстро срывает с себя горящую юбку, оставшись в предусмотрительно надетых под неё брюках, вместе с Лавинией и Кортни кланяется публике, а потом девушки торопливо начинают растаскивать и убирать за собой реквизит.

И тут с реквизитом возиться чуть ли не дольше, чем стихи читать, о боже, какой позор.

Конец выступления.

Участницы читали отрывки из стихов Бертольда Брехта.

Айро

Барабаны так барабаны. Тут главное единство ритма и контроль пламени, как своего, так и, вероятно, соседей. Впрочем, все барабанщики были лучшими магами Огня во всем Линь Ян Шо, так что бояться случайного возгорания не приходилось.

Айро занял место по центру, между Тигрицей и Чинем, ему как старшему предстояло задавать ритм и темп, которые должны были поддержать остальные.

Ну что ж, кажется, все готовы. Начнем, - подумал он, и пару раз прокрутив палочки в пальцах, словно разминаясь, поднял правую руку вверх. С пальцев мага слетели

огненные нити, в мгновение окутавшие палочки и теперь казалось, что в руках у чайного мастера два коротких пылающих факела. Первый удар, остальные подхватили.

Первая часть была только барабанной. Небольшой разогрев и возможность привыкнуть к синхрону. Затем ритм стал чуть сильнее и в ход пошла вторая линия, демонстрировавшая ката. Одна из палочек Айро на каждом втором ударе взмывала в воздух, разбрасывая вокруг себя всполохи пламени и всякий раз приземляясь точно в руку. Впрочем, сейчас взгляды зрителей были устремлены на молодежь и барабанщики были скорее фоном.

Затем темп снова сильнее, но более музыкальный, вступила третья линия. Теперь к барабанному бою добавились шаги, на каждом из которых из-под подошвы вылетало пламя. Главное не терять дыхание, не терять ритм. Наконец танец был окончен, барабаны смолкли. Айро сложил палочки и заткнул их за пояс, затем сделал шаг в сторону от инструмента и сделав едва заметный знак другим мастерам с резким шагом выпустил из обеих ладоней огромный поток пламени, пронесшийся над головами двух линий и рассыпавшийся разноцветными искрами. Наконец можно было перевести дух.

Шэн Бо

Шэн стояла в дальней линии с теми, кто должен был играть на барабанах. Она следила краем глаза за чайным мастером Айро как старшим, чтобы улучшить верный момент и вступить одновременно. По её ладоням скользнули всполохи пламени, которые охватили барабанные палочки, а затем началось выступление.

Ритм был довольно простым, и Шэн была в большой, похожий на бочку, барабан синхронно с остальными. Их линия вступала первой, они должны были задать ритм и настроение всему выступлению. От охваченных пламенем палочек летели искры, скатывавшиеся с красных барабанов на камни главной площади, но от них ничего не загоралось – опытные маги Огня это контролировали.

После первых тактов ритм стал чаще, чтобы под него было удобно показывать огненное ката. Шэн следила взглядом за выступлениями, потому что среди тех, кто демонстрировал боевые навыки, были Сонгцэн и Юэ. Ритм снова сменился, и в нем появились моменты, когда одна или обе палочки вместо того, чтобы бить в барабан, взлетали в воздух, и в это время с них и с рук магов, отвечавших за ритм, срывались всполохи пламени.

По мере того, как ритм становился чаще, барабанщики стали пританцовывать ногами, и из-под их стоп также полетели искры и всполохи пламени. За ката последовало выступление танцовщиков, затем – поддержки, и под каждую часть выступления музыкальный рисунок немного менялся, а с ним и менялись движения барабанщиков. Неизменным оставалось только одно: все движения их линии сопровождалось пламенем, и казалось, это оно, а не люди, диктует ритм огненного танца.

В какой-то момент все барабаны разом стихли. Шэн с другими магами, стоявшими в этой линии, сделала шаг от барабанов, и затем они подняли в небо первый залп

огненного салюта, который, взметнувшись перьями феникса над площадью, взмыл вверх и рассыпался мелкими сверкающими искрами.

Чин Ху

Чин следил взглядом за Айро и Шэн, чтобы вступить с ними одновременно. Он тоже заставил пламя окутать барабанные палочки перед тем, как начал отбивать ритм огненного выступления. Должно было получиться красиво, если все сработают слаженно и четко. Ритм был простым, и Чин отбивал его, позволяя искрам рассыпаться вокруг, скатываться по барабану и тухнуть, попадая на каменные плиты. Их линия работала четко и слаженно, и Чину нравилось чувствовать свою причастность к тому, что сейчас происходило. Барабанный бой всегда завораживает, недаром именно барабаны использовались полководцами древности, чтобы руководить перестроениями войск.

Сменился ритм, и вступила вторая линия, в которой выступал Дин. Чин следил за тем, как его сын справлялся с очень сложным для него ката. Он знал, что Дин много тренировался, чтобы справиться с предложенной Юэ связкой, и Чин был доволен, что ни разу не слышал от сына слов о том, что задачу лучше было бы упростить.

К ударам в барабан добавились элементы управления пламенем с движениями рук, затем барабанщики стали пританцовывать, создавая пламя еще и ногами. Чину это удавалось без особых сложностей, ведь в их линии стояли те, кто лучше других владел магией Огня из числа мастеров монастыря. Это давало им право по сути смотреть за остальным номером со стороны, а не показывать, например, ката.

За боевой частью следовал танец, у которого был свой ритм. Стихия Огня многогранна и многолика, выступление их группы это демонстрировало во всей красе. Барабаны смолкли, Чин также отошел на шаг от своего барабана и одновременно с сифу Бо отправил в небо огненный вихрь, который рассыпался искрами, когда достиг верхней точки своего пути.

Дамьян Кораев

Это было странно, но от причастности к столь масштабному мероприятию болгарин даже начинал получать удовольствие. Первичный дискомфорт сменился уверенностью в своих действиях и желанием сделать все хорошо. Славно, что ритмы были не сложные, а команда барабанщиков работала слаженно. Хотя, Кораев постоянно смотрел за Чином и Шэн, чтобы ненароком не сделать что-то лишнее, или не сбиться.

Ритмы, огонь, трассирующие везде искры, которые разлетались по барабанам.

Зрелище и правда получилось великолепное. Самым сложным моментом, был тот, когда и барабанщикам надо было начинать приплясывать. Дамьяну показалось, что пару раз он сделал, что-то не очень синхронно, но точно уверен не был. Под конец выступления на лице старшего мастера можно было даже заметить легкое подобие улыбки, но не смотря на это, от инструмента он отошел с удовольствием. Оставался финальный аккорд, фейерверк в компании со старшими мастерами. Ничего сложного, но замечательное окончание выступления.

Тео Чун

Тео повезло, что он был достаточно физически подготовлен, чтобы не выматываться на многочасовых тренировках, пока он и еще двое учеников изучали ката. Ему было намного сложнее в другом - незнакомый стиль казался неудобным, непрактичным, постоянно хотелось сбиться на привычные движения Дракона, добавить что-то свое, а уж прием с эффектным падением на землю в конце связки и вовсе казался каким-то диким. Но все же эти тренировки привели к нужному результату, и ко дню выступления Тео мог повторить все от и до без запинки, сопровождая это вспышками пламени.

Они стояли во второй линии позади барабанщиков между Дином и Юэ, одетые в форму монастыря. Ритмичные звуки барабанов внушали уверенность, что все получится, наверняка этот ритм играли на полях сражений, вселяя в души воинов надежду на победу. Через пару ударов их линия выступила вперед.

Ката начиналась резко, после первого удара бросая сразу в очередную серию коротких ударов руками с формой тигриной лапы. Поворот с ударом ноги, огненная вспышка, совпавшая с особенно громким барабанным гулом, затем уйти в низкую стойку, и с ладони, поставленной вперед тигриной лапой, ушла длинная струя пламени, так похожая на пламя, извергаемое драконом.

Следом был удар ногой в прыжке, с этим Тео справился, как ему показалось, особенно хорошо, затем он опустился в блок, плавно переходящую в левую стойку. Многие движения снова сопровождались огненными всполохами. Поворот вокруг себя, и, на мгновение замерев, разбег в колесо и обратное сальто. Связка ударов ногами со вспышками, снова уйти вниз, и, после очередного взмаха ногой то самое эффектное приземление на землю. У Тео это эффектное приземление больше походило на то, что он просто плашмя шлепнулся вниз, прилично отбив себе бок, но он сразу вскочил на ноги из положения лежа без рук, стараясь не обращать внимания на неприятное жжение в боку. Ката завершалось еще одним огненным всполохом, и начиналась вторая часть, зеркальная первой. К концу выступления Тео почти выдохся, но ему хватило сил для поддержки - поднять вверх Анну-Лизу и задержать в верхней точке на прямых руках, чтобы создаваемое ею пламя стало хорошо заметным.

Юэ Шэ

Юэ было чуть проще, чем остальным, потому что для выступления выбрали ту связку, которую она знала хорошо, а остальным пришлось разучивать специально для выступления. Она охотно показывала ката всем, кто просил, чтобы они быстрее освоились с этими движениями, которые были довольно сложными даже для тех, кто неплохо владел магией Огня и рукопашным боем.

Началось выступление, и зазвучали барабаны. Юэ ждала того момента, когда должна была, одновременно с остальными, кто стоял на второй линии, вступить, показав огненное ката. Нужный удар барабана, в следующий миг удар тигриной лапой вниз и чуть за спину, и первая вспышка пламени сорвалась с её кисти на резком выдохе. Юэ подняла руки над головой, сжала правую кисть в тигриную лапу и придержала её левой, опуская вниз. Началась серия ударов руками, каждый из которых сопровождался всполохом пламени, который шел от ладони или пальцев.

Удар руками вперед в момент перехода в низкую стойку, и пламя стало ярче, чем во время предыдущих приемов.

Удар ногой в прыжке, с ребра стопы срывается пламя, удар левой рукой, также усиленный Огнем. Блок, переход в стойку, направленную влево. Колесо, сальто и приземление спиной вперед. Юэ развела руки в стороны, создавая два огненных всполоха, которые шли от её ладоней, а следом удары ногами, которые также сопровождалось пламенем. Эта часть ката была довольно сложной, но Юэ на руку играл невысокий рост и небольшой вес. Приземление в стойку лежа, затем снова подняться на ноги одним движением, чтобы повторить ката зеркально.

К моменту, когда связка закончилась, Юэ запыхалась и пыталась восстановить дыхание перед поддержкой. Для этого хватило времени, которое заняло выступление танцоров.

Разбег и прыжок, во время которого её ловит и начинает кружить Сонгцэн, а дальше раскинуть руки в стороны и создать пламя, дополнившее начавшийся в дальнем ряду праздничный салют.

Дин Ху

Дин не ожидал, что выступление будет настолько сложным. Ему был близок стиль Тигра, но связка, которую предложила Юэ, еще и в сочетании с магией Огня, была на грани его возможностей. Дин запоздало подумал, что вряд ли ему одному жутко трудно выучить их часть выступления, но три мужика просто не могли в тот момент сказать девушке, пусть и мастеру, пусть и боевому магу «это круто, но давай сделаем попроще». И теперь все учили ката, страдали, выматывались, но знали, что тот, кто первым сдастся, потеряет лицо. Дин вот сдаваться не хотел, и отрабатывал ката снова и снова, порой падая с ног от усталости. Короткое выступление на пару минут было очень сложным физически, потому что пламя отнимает очень много сил, которые нужны мышцам, чтобы справляться с комбинацией боевых движений.

Утром в день выступления Дин проснулся с таким ощущением, как будто накануне его били ногами. Он несколько раз повторил ката, но без пламени, и после этого стал уговаривать себя, что готов к выступлению. И в момент икс стоял со всеми на центральной площади, слушая, как вступили барабаны, и дожидаясь, когда наступит момент для боевой части.

Удар рукой, затем начало серии атак руками с формой тигриной лапы. Нельзя волноваться, это отнимает правильное дыхание. Просто слушать ритм барабанов и двигаться, доверившись ему. Удар на выдохе, замах на вдохе. Удар ногой, стойка влево, колесо, сальто, атака с двух ладоней и серия ударов ногами. Дин не смотрел, как делали ката остальные, он просто старался выполнять его в правильном темпе и следить за дыханием, чтобы каждый огненным всполох был ярким и четким. Конец первой части, повтор всего того же, но уже зеркально. И в этот момент Дину показалось, что открылось второе дыхание, а тело само повторяло хорошо заученные движения, оставалось лишь контролировать ци, копившуюся в солнечном сплетении, чтобы стекать по рукам и ногам в моменты атаки. Ката закончилось. Дин поднял руки через бока и опустил их с жестом «дарую», выравнивая энергию и дыхание.

Пока выступали танцоры, Дин достаточно восстановил дыхание, чтобы без проблем поймать Маргариту во время поддержки, и она могла создать руками пламя, поддерживавшее салют, пока он её удерживал. Все получилось, и Дин гордился собой. Вряд ли он стал бы учить что-то столь же сложное, если бы не сегодняшнее выступление, а в итоге он смог и выучить, и побороть волнение, чтобы показать на выступлении перед зрителями, а это всегда сложнее, чем повторять ката наедине с собой.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн очень хотел справиться с ката, которое предложила Юэ. Он знал, что это было лишь частью того мастерства, чему он мог научиться у Белых Тигров как маг Огня, и он очень хотел сделать хотя бы этот шаг навстречу мастерству. Без пламени связка не была для него слишком сложной, эти приемы он уже знал и много раз отрабатывал. Но Огонь требовал контроля дыхания, более четкого, чем ката без магии. При этом недостаточное дыхание приведет к тому, что во время ударов всполохи пламени, которые он будет создавать, окажутся слишком слабыми, и всем это будет заметно со стороны.

Все свободное время Сонгцэн отрабатывал это ката, он хотел выступить достойно. В день выступления он повторил его пару раз утром, но после этого постарался как следует отдохнуть и восстановить силы, чтобы их хватило для демонстрации ката зрителям.

Ритм барабанов внушал уверенность. Сонгцэн дождался нужного момента и нанес первый удар по воздуху вниз и назад. Руки вверх, затем опустить их с напряжением и связка из ударов руками. Удар на выдохе, энергия сосредоточена в солнечном сплетении и легко течет по сухожилиям рук, чтобы срываться с ладоней и пальцев всполохами пламени. Удар руками вперед с резким выдохом, который вкладывает много огненной энергии, чтобы этот акцент получился достаточно ярким и четким, а сорвавшееся с ладони пламя было не менее ярким, чем у остальных.

Удар ногой, и желтая энергия теперь срывается пламенем с подошвы, пройдя до этого путь по сухожилиям от самого солнечного сплетения. Новая стойка, колесо, сальто – это, кстати, проще, чем сочетать удары с магией Огня, затем два столпа пламени одновременно, созданные ладонями. Удары ногами сложнее, они отнимают много сил и внимания, а за дыханием нужно следить не менее внимательно. И вот уже первая часть ката заканчивается, но лишь для того, чтобы все пришлось повторить зеркально.

Руки, акробатика, ноги, на последнем блоке Сонгцэн чувствовал, что дышать уже больно. Он постарался восстановить дыхание с жестом «дарую» и стал ждать, пока пройдет выступление танцоров. Он еле держался на ногах, а предстояло еще и поймать Юэ. Хорошо, что от него не требовалось создавать в этот момент пламя, а Юэ была невысокой и худощавой. Он справился с поддержкой и стал вращаться вокруг своей оси, пока ученица мамы создавала два пламенных столпа.

Несмотря на сильную усталость, Сонгцэн чувствовал, что справился, и это того стоило. Он был самым младшим из тех, кто выступал, и, как ему показалось,

выступил достойно.

Маргарита Эрнандес

Если бы Маргарите сказали, что ей придется попробовать себя в качестве организатора выступления сразу двенадцати магов огня, она бы несколько раз подумала, прежде чем предлагать всем желающим поучаствовать в совместном выступлении. Но поскольку опрометчивый поступок был уже совершен, оставалось только разбираться с его последствиями. Вдоволь набегавшись, чтобы посмотреть на репетиции всех участников, не считая старших мастеров, которым она полностью доверяла, девушка хорошо представляла, кто и как может выступить, но, все равно, безумно переживала, боясь, что в последний момент что-то пойдет не по плану.

Несмотря на страхи рыжей, выступление началось, как и было запланировано с появления на площадке четырех барабанщиков, легко справляющихся со своими обязанностями и, тем самым, подтверждающих высокий уровень владения магией Огня. Дальше вышли представители второй линии, демонстрирующие предложенное Юэ ката, и Маргарита почувствовала, как сердце ее заколотилось сильнее, поскольку мужскому составу этой группы пришлось немало попотеть, прежде чем им удалось достигнуть уровня соизмеримого с тем, что продемонстрировала молодой мастер на организационном собрании. К счастью, все участники справились на «отлично», дав Рите возможность ненадолго выдохнуть, пока она выходила на сцену и готовилась открыть выступление танцоров.

Согласно идее Анны-Лизы, которую Маргарита одобрила сразу, как та была озвучена, каждый из участников по очереди танцевал что-то свое, передавая на момент окончания активной части выступления огонь как эстафетную палочку следующему в очереди. Не долго думая, для себя рыжая остановилась на нескольких классических элементах фламенко, которые хорошо ложились на барабанный ритм. Для выступления девушке пришлось надеть длинную юбку, поскольку одежда, когда речь шла о фламенко, всегда становилась частью танца. Красивым движением левой руки оттянув край юбки и плавно покачивая им в такт движениям, Рита начала отбивать ритм, создавая каждым третьим ударом ноги вспышку пламени. В определенный момент над свободной рукой испанки появился огонек, который при движениях оставлял в воздухе красивые огненные узоры. Закончив основную часть своего выступления, Маргарита направила основную энергию Манипуры через левую руку, создавая над ней огонь и приглашая Анну-Лизу присоединиться к выступлению.

Коснувшись руки следующей танцовщицы, одновременно с этим туша огонь над своей ладонью и видя, как он разгорается над ладонью Анны-Лизы, рыжая отошла чуть в сторону, продолжая при этом отстукивать ритм каблуками. Когда все танцоры выступили, пришло время заканчивать выступление поддержками и салютом. В том, что Дин сможет ее поймать и поднять, Эрнандес не сомневалась, а потому легко подпрыгнула и, благодаря усилиям партнера оторвавшись от земли, раскинула руки и создала пламя, через несколько секунд образовавшее в воздухе огненный круг, отлично дополняющий созданный участниками первой линии салют. Так что все волнения Маргариты оказались напрасны, продемонстрировав, что способность к организации выступлений не относится к числу ее слабых черт.

Анна-Лиза Саволайнен

Анна-Лиза очень довольна тем, что и как она придумывает для показательного выступления. Крамп как раз очень подходит для того, чтобы энергично биться в танце под барабанный ритм и совмещать это с огненными вспышками. Вот разве что о красоте происходящего можно спорить, особенно в сравнении с фламенко, и вот этот момент Анну-Лизу, стоящую в линии следом за Маргаритой, несколько волнует. По красоте проигрывает и сам танец, и даже одежда - на Маргарите роскошная длинная юбка, а на Анне-Лизе типичный чуть мешковатый наряд уличного танцора, тренировочные штаны и широкая кофта, разве что рукава и штанины нарочито немного укорочены, чтобы не попадать под пламя.

Ожидая своей очереди танцевать, Анна-Лиза, чтобы не стоять в линии истуканом, как и договаривались, отбивает ритм энергичными стompами под себя, так энергично бьёт пятками, что ещё поднажать, и присоединится к линии барабанщиков по мощности звукоизвлечения. Потом с протянутой к ней руки Маргариты блондинка "принимает огонь" - зажигает сгусток пламени на своей ладони в тот самый миг, как он гаснет на ладони Маргариты. И начинает свой кусок танца, уже совершенно другой по стилю.

Руки Анны-Лизы назвать пластичными сложно - руками Анна-Лиза делает много резких армсвингов и совмещает их с огненными вспышками. Руки совершают стремительные движения и так же стремительно возвращаются на исходные позиции. Если пламени нет на руках - значит, Саволайнен выбивает его ногами. Начиная свой танец, девушка охотно переходит на более эффектные широкие и круговые стомпы, с чувством бьёт ногами в землю и порой, оканчивая это размашистое движение выбросом энергии Манипуры, высекает пламя.

Для финала у Анны-Лизы заготовлена маленькая, но красивая комбинация. Саволайнен хватается рукой за щиколотку, раскручивает колено, заходя на круговой стomp, энергично топает, зажигая у земли пламя, потом рукой делает резкий грэб - притворяется, что хватается пламя рукой и тянет его вверх, - переводит его в панч, бьёт ладонью о ладонь, теперь выбивая огонь наверху, а под конец делает ещё один грэб и пойманное пламя на раскрытой ладони передаёт Ирине. После этого Анна-Лиза возвращается в линию и снова отбивает ритм стompами под себя, пока не приходит время перейти к поддержкам и фейерверкам.

С поддержкой и вовсе несложно. Анна-Лиза как следует отталкивается ногами от земли, помогая Тео поднять её, и, замерев наверху, тоже на раскинутых руках рисует огненный круг. Держать одновременно и круг, и равновесие сложно, но Анна-Лиза справляется. Нельзя же под самый финал окорнаться на такой ерунде.

Ирина Рейн

Ирина отнеслась к танцу со свойственным ей наплевательским пофигизмом, рассчитывая на то, что уж какую-нибудь комбинацию, чтобы на месте смотрелась красиво, она сплетет. Разве что рыжая на репетиции проверила, что руки-ноги помнят движения и не путаются в них, да попыталась придумать движение-концовку, подсмотрев этот трюк у Анны-Лизы. Вот эта вещь, и в самом деле, имела большой смысл. Лучше знать заранее, как передавать эстафетную палочку, чтобы потом на месте не получилось как попало.

В линии танцоров Ирина оказалась, наверное, одета скромнее и невыразительнее

всех. Даже мешковатые шмотки Анны-Лизы уделявали по выразительности простые белые брюки и белую майку Ирины, что уж там говорить о роскошной испанской юбке Маргариты. Ну так, Ри и не костюмом поражать собиралась. Ритм рыжая поддерживала, хлопая то ладонью о ладонь, то ладонями по плечам - босоногая Ирина даже каблуками поступать не могла за неимением оных. Ну и фиг бы с ними, так сойдёт.

В своём танце Ирина вертелась как волчок и то и дело опиралась на руки - руки постоянно были заняты, поэтому пламя постоянно приходилось изображать ногами, и в этом смысле босые ноги были очень кстати. Рыжая исполнила немало вертушек, из ударов путём нехитрой маскировки превращенных в танцевальные движения, и сопровождала эти вертушки выбросами огня из босых пяток - а кое-где Ирина даже замирала и делала стойку на руках, пропуская два-три удара барабанов, чтобы задержать и отчётливее показать удерживаемое на ступне пламя. В эти моменты рыжей казалось, что она вот-вот не выдержит и переломится пополам. Или что чакра сдохнет. Словом, что что-нибудь такое обязательно вот-вот случится. Закрывая свой танцевальный отрезок, Ирина ещё раз попыталась порваться пополам и угробить себе чакру - зажгла на обеих ладонях по сгустку пламени и, удерживая их, прыгнула "бабочку", горизонтально скрутившись в воздухе. Пламя на левой руке рыжая в прыжке все же не удержала и потеряла. Немедленно сориентировавшись, завела левую руку за спину, а то, что осталось на правой руке, протянула Артему.

На поддержке Ирина вцеплялась в пламя уже как будто не только знатно вымотанной чакрой, но и даже зубами. Взгромоздившись на Артема и неистово надеясь, что парень её не уронит, Ирина как могла удерживала скрученный в кольцо огненный хлыст обеими руками. Огонь провисал, уплывал из-под контроля и всё стремился принять другую форму и стать похожим на криво мигающую гирлянду. Ирина, сцепив зубы всё же додержала пламя до конца. Уронит она его, ага, щас, как же. Лучше сдохнуть.

Артём Федоренко

Артём слишком поздно понял, что ему это выступление было крайне до фени. Да, это было занятие творческое, а он любил творчество, но... Хотелось показать себя со всей красоты, своим превосходством задавить выступления окружающих, чтобы они поблекли перед его выкрутасами. Анна-Лиза придумала систему, согласно которой он должен был выступать после Ирины. Ну, а потом ещё на поддержке быть, классно.

В общем, настроение и желание выступать было очень быстро испорчено, но не уходить же после этого с выступления совсем. Нужно было что-то да показать, как-то продолжить начатое. Точнее, завершить. Забирая огонь правой рукой с руки Ирины, Артём зажгёт сначала правую руку полностью, затем левую. В такт ударам барабанов он топал ногами, посылая небольшие огненные вспышки в стороны. Удары руками - маленькие огненные шарики скатывались с каждой из рук, разлетаясь в разные стороны пулемётной очередью. Он сделал двойное сальто назад, после чего, встав на ноги, сложил две руки воедино и направил поток огня вверх, перед собой.

Он сделал отжимания на кулаках, при этом подпрыгивая и раскалёнными от магии огня ударяя кулаками друг об друга, создавая при этом искры. В роли поддержки он поймал Ирину, держа её у себя на спине. И не такая уж она и тяжёлая была для мужчины его спортивной формы.

Ветер Перемен

Большая часть выступлений так или иначе была посвящена магии Огня, и жар этой стихии согрел всех, кто собрался, чтобы насладиться искусством и мастерством обитателей Линь Ян Шо. У края площади стояли столы с угощениями для всех желающих, и после того, как последняя группа участников покинула место для выступления, можно было насладиться горячим ароматным чаем и праздничными сладостями, среди которых основное место занимали, конечно, лунные пряники. Вечером все отправятся к обрыву, чтобы запускать бумажные фонарики и просить богиню Чан Э, чтобы она исполнила их заветные желания. А пока участники выступлений могли отдохнуть и порадоваться своему успеху.

Выступления завершены
